

Гус М. С. Суд совести / М. Гус // Литература и эпоха / М. Гус. – Москва, 1963. – С. 296-305.

* * *

Проблему совести советского человека положил в основу повести «Суд» В. Тендряков.

Писатель хотел методом «доказательства от обратного» подтвердить, что ни при каких обстоятельствах нельзя поступаться совестью. Но если повесть «Суд» что-нибудь и доказывает, то, увы, противоположное тому, чего следовало бы ждать от такого произведения: прочитавши повесть, мы не можем не прийти к выводу, что совесть, чистая, неподкупная совесть, как таковая, сплошь и рядом оказывается бессильной и, более того, мирится со своим бессилием как с *неизбежностью*.

Ведь в «Суде» поступились своей совестью *все* участники трагических событий в тайге! Почему же так произошло? И можно ли счесть все события, описанные в повести, плодом чистой случайности — так, мол, случилось, и не о чем тут толковать («Так случилось» — была названа одна из статей о «Суде»)? Если бы дело шло о чистой случайности, о случае в узком смысле слова, то и не стоило бы говорить о повести...

Да и сам автор не стал бы ее писать... Не об оригинальном случае в ней идет речь, а о большой проблеме совести как «контролере» нашего поведения.

Какие же причины привели в описанных В. Тендряковым обстоятельствах к тому, что с требованиями

ми совести не посчитались Тетерин, Дудырев, следователь Дитятичев?

На охоте, в которой кроме старого медвежатника Тетерина участвовали начальник строительства лесокOMBината Дудырев и фельдшер Митягин, случайным выстрелом, предназначенным матерому медведю, убит проходивший мимо парень. Стреляли Дудырев и Митягин, не услышав предупредительного крика Тетерина, который уловил звуки гармошки и догадался, что за кустами идет человек.

Ответ на вопрос, кто повинен в убийстве, может дать пуля, сразившая медведя. Но врач, прибывший на место происшествия с прокурором и следователем, пули в черепе не находит и решает, что она прошла навылет. В этом убеждает и то, что собака Тетерина Калинка изорвала в клочья загривок медведя: рвала, говорит следователь Дитятичев, потому, что загривок был окровавлен, там находилось выходное отверстие.

Значит, решать, кто убийца, нужно иными средствами.

Следователь и прокурор, еще не ознакомившись с обстоятельствами рокового происшествия, уже считают убийцей фельдшера Митягина: он стрелял чуть ли не впервые в жизни, не то что завзятый охотник Дудырев. С этим сразу составленным предположением они обследуют места, где находились оба охотника, и устанавливают, как им кажется, что роковой выстрел не мог быть сделан оттуда, где стоял Дудырев. В. Тендряков к этому добавляет и наиболее веское соображение, каким руководствуется следствие: Митягин — пешка, а Дудырев — крупный работник, и если его придется «брать за шиворот, это грозит столкновением с райкомом, с областью». Так думает и сам Дудырев, и он не ошибается: следственным властям *хочется*, чтобы виновным был Митягин, и ход следствия они под это наперед сделанное заключение и подгоняют.

Могло ли это быть? К сожалению, могло — В. Тендряков не погрешил против правды, так как культ личности оказал свое тлетворное влияние и на работников нашей юстиции.

Председатель Ленинградского городского суда С. Соловьев на страницах печати справедливо напомнил, что «тот, кто не может или не хочет глубоко разобраться в деле, найти истину, кто ведет себя беспринципно, следует не требованиям закона и голоса совести, а лишь веянию моды, не имеет морального права быть судьей, следователем, прокурором».

Следователь, прокурор, судьи в повести «Суд» поступились велением совести, нарушили справедливость потому, что не хотели задеть «большого человека» Дудырева и предпочли свалить вину на «пешку» Митягина. Вот потому следователь «ищет истину, где светлее и удобнее, а не там, где она лежит на самом деле».

Приятель Тетерина Боровков, председатель колхоза, рассуждает об этом попросту: невыгодно всем, чтобы Дудырев был виноват, потому что тогда его снимут с поста, назначат другого, и неизвестно, как пойдет строительство лесокombината, а от него окрестным колхозам и всему району большая польза... И если Дудырева осудят, то это, говорит Донат, «всем нам коленики подобьет»...

Горько приходится Тетерину все это слушать, наблюдать — потому что он знает правду: убил парня не Митягин, а Дудырев. Тетерин нашел пулю в черепе медведя. И Калинка рвала загривок зверя не потому, что там была выходная рана, а потому, что мстила за гибель своей дочки Малинки, растерзанной медведем. Не сделай собака этого, следователь еще на месте убедился бы, что рана не сквозная, пулю нашли бы в черепе и установили бы, что она выпущена из ружья Дудырева... Но в этом случае не было бы и возможности продолжать повесть.

Собака Калинка вмешалась в ход событий, и от этого пришлось худо... не Дудыреву, как бы следовало ожидать, а самому Тетерину, раскрывшему правду! Он сделал большую ошибку, так как сплущенную пулю не отнес сразу же следователю, а раскатал ее и восстановил первоначальную форму, чтобы узнать, каким ружьем она выпущена. Оказалось,

убил Дудырев. С этим открытием старый охотник и явился к начальнику строительства.

Тетерин и Дудырев — центральные герои повести, не только сопоставленные, но *противопоставленные* друг другу.

В начале повести, знакомя нас с ее героями, В. Тендряков пишет, что на траве в лесу расположились охотники, и если «Семен Тетерин по-своему владычествовал над лесами, то лежавший напротив него человек рано или поздно должен уничтожить его владычество. Этого человека звали Константин Сергеевич Дудырев».

Так и произошло — в результате столкновения этих двух людей.

Когда Тетерин раскрыл Дудыреву правду: убийца не Митягин, а он, — Дудырев, естественно, потрясен. Признать свою вину он не хочет и потому отказывается поверить Тетерину, что именно его, Дудырева, пуля сразила убитого. Вот как он старается заглушить голос совести, упорно подсказывающий ему, что прав Тетерин, принесший роковую пулю: «Все его существо восстает против этой улики. Убийца! Он, который всю свою жизнь отдал, чтобы лучше устроить жизнь людям... Все для людей — и бессонные ночи, и напряженные дни, и постоянный расход нервов. И ему предлагают признаться в самом страшном людском грехе — в убийстве!»

Это нельзя назвать иначе как лукавой софистикой. Ибо никакие заслуги в прошлом не могут снять ответственности с Дудырева, если он действительно убил... А в данном случае отвечать нужно за убийство не преднамеренное, а по неосторожности. И признание своей вины только облегчило бы совесть Дудырева. И все-таки он упорствует и говорит Тетерину: «Значит, ты мне предлагаешь прикрыть собою Митягина?»

Но Тетерин резонно возражает, что этого не предлагает, а добивается, чтобы все это тяжелое дело было решено по правде, по *совести*. Он напоминает Дудыреву: «Не равняй себя с Митягиным. Люди-то,

которые возле законов сидят, на тебя с почтением смотрят».

Следователь не хочет верить Тетерину, потому что это невыгодно, и считает, что он пулю подделал, чтобы выгородить Митягина и свалить вину на Дудырева.

Разговор Дитятичева с Тетериным — не беседа честного, нелицеприятного слуги правосудия, а столкновение чиновника, думающего не о правде, а о наиболее удобном решении дела, с человеком, не искусственным в юридических тонкостях, но знающим правду и верящим в нее. Вот эту веру в правду, в необходимость и неизбежность ее торжества и уничтожают в Тетерине Дудырев, Дитятичев, Донат, весь ход дела.

Дудырев видит, что следователь выгораживает «большого человека», валя все на пешку — Митягина. «Как это подло! — размышляет Дудырев. — Что делать? Молчать? Наблюдать со стороны? Быть молчаливым помощником Дитятичеву? Низко! Подло!»

И все-таки Дудырев не признал своей вины, допустил, чтобы отдали под суд Митягина. А для успокоения совести он прибег к софистическому выверту — решил взять на себя *половину вины*.

«В этом было что-то красивое, благородное, успокаивающее совесть. С этим еще можно жить, не терзая себя», — думал Дудырев и на суде сделал «благородное» заявление, что считает себя не менее виновным, чем Митягин, но тут же прибавил, что не считает себя совершившим преступление, поскольку это был несчастный случай.

Митягина суд оправдал на том основании, что предупредительный крик Тетерина прозвучал слишком поздно. Но тем самым суд признал, что убийство совершил именно Митягин. Следовательно, *правосудия не совершилось*: хотя Митягин и был оправдан, но *правда* не была установлена. Верх одержала не революционная совесть, воплощаемая в приговоре советского суда, а софистика, предназначенная к тому, чтобы уберечь Дудырева от «когтистого зверя, скребущего сердце».

Дудырев, Дитятичев, даже Донат Боровков пошли на сделки с совестью и добились того же и от Тетерина. Он отрекся от найденной им самим правды.

В. Тендряков с экспрессией, даже с пафосом воспроизводит то смятение чувств и мыслей, какое переживает его герой, столкнувшийся с неправдой, несправедливостью там, где должно быть высшее воплощение истины, — в советском суде.

Тетерин идет в лес, который всегда спасал его от любых напастей. Но теперь лес — *природа* — только подчеркивает безвыходность положения Тетерина.

«Вот и лес, пришел... А что дальше?..» И Тетерин горько размышляет: «Он ушел от людей. А они живут себе по-своему»: живут не по правде, «все спокойны, людская беда как с гуся вода, отряхнутся — сухи и чисты». Отсюда естественный вывод: «Простак ты, Семен, простак. Считай, век прожил, а до сих пор в ум не возьмешь, что плетью обуха не перешибешь».

И Тетерин принял решение: зашвырнуть злополучную пулю в болото, а с нею и правду.

На суде он сказал, что пули в черепе не находил, — следовательно, признал, что пытался ввести следствие в заблуждение. Отречение от правды всегда тяжело достается честному человеку. А Тетерину пришлось еще возвести на себя поклев, будто он преднамеренно лгал...

Придя домой после суда, он послал жену за самогоном и предался невеселым мыслям: «Вперед наука. Наука? Ежели б в семнадцать лет такая наука выпала, а он уж не мальчишка — старик, через четыре года на шестой десяток перевалит. Не поздно ли учиться?»

Чему учиться? Тому ли, что нельзя ни при каких обстоятельствах поступаться правдой? Или уменью совершать сделки с совестью и этим не терзаться?..

Сам Тетерин уже *не может* ответить на такой вопрос, и это и есть *главный* вывод повести.

Повесть заканчивается его мыслью:

«Нет более тяжкого суда, чем суд своей совести».

Но мы видим, что софизмы, с помощью которых была извращена истина, до основания потрясли ду-

шевный и духовный мир старого охотника. Тетерин больше *не в состоянии верить в совесть*, в ее законы и веления.

Столкновение с Дудыревым действительно уничтожило «владычество» Тетерина над лесом, над природой — и, более того, моральное владычество над самим собой. В Тетерине убита вера в себя, уважение к себе.

Чтобы подчеркнуть, что моральный, духовный крах Тетерина неотвратим и непоправим, В. Тендряков в самом конце повести сопоставляет с судьбой охотника судьбу его верного, старого друга, по вине которого так трагически сложились обстоятельства. Собака Калинка надрывно завывала. «У нее своя беда, свое непоправимое несчастье. Лапа не срастается, на последней охоте трижды теряла след, часто ложилась — уходят силы, чует это собачка собачьим нутром». И Семен понял: прошло время Калинки, она надломилась навсегда — как и ее хозяин...

Дудырев тоже обдумывает уроки, какие дало ему столкновение с истиной и попрание истины. Он разочаровался в Тетерине: «Медвежатник! Кажется,лицетворение народа. А перед народом Дудырев с малых лет привык безотчетно, почти с религиозным обожанием преклоняться». И вот этот человек солгал: либо тогда, когда подделал пулю, либо тогда, когда отрекся от подлинной пули, но в любом случае солгал. Дудырев мысленно про себя формулирует философский вывод: «Слепое преклонение (перед народом. — М. Г.) не есть любовь». Правда, это отречение от психологии «кающегося дворянина» несколько запоздало для коммуниста... Но ничего не поделаешь, такова воля автора повести...

Дудырев философствует дальше:

«Кондовый медвежатник, не растравлен рефлексией, цельная натура, первобытная сила — как не умиляться Дудыреву, окончившему институт, *приписавшемуся к интеллигенции*. Умилялся и забывал, что он сам строит новые заводы, завозит новые машины, хочет того или нет, а *усложняет жизнь* (подчеркнуто мною. — М. Г.). Усложняет, а после этого

удивляется, что Семен Тетерин, оставив лес с его пусть суровыми, но бесхитростными законами, теряется, путается, держит себя не так, как подобает».

Признаться, я не понимаю, что это значит: «Дудырев приписался к интеллигенции». В царские времена «приписывались» к тому или иному сословию, к мещанам, купцам... Но даже и оставляя в стороне эту существенную неясность мысли Дудырева, нельзя не поразиться его главными умозаключениями.

Усложнение жизни вследствие появления заводов, машин, высокого уровня материальной культуры *противопоставлено совести Тетерина*.

Что это за «суровые, бесхитростные законы» совести, которые терпят крах под нажимом цивилизации?

Из всего, что произошло, Дудырев, умный, культурный, житейски опытный человек, не мог не сделать вывода: Тетерина, открывшего правду, принудили от нее отказаться.

Если в глубине души Дудырев этого не признал, то он не только глупец, но и подлец.

Если же он это понял, то должен казнить себя за то, что не последовал велению совести, — а не осуждать Тетерина за отступление от «бесхитростных» законов его морали.

Вместо этого Дудырев свои размышления над уроками *неправедного* суда завершает так: «Надо учить людей, как жить».

Если бы речь шла о повышении культурного уровня, образования, вкусов, то рассуждения Дудырева были бы столь же верны, как и не новы. Но ведь речь идет о том, чтобы вместо более непригодной, по мнению Дудырева, бесхитростной морали Тетерина внедрять новую мораль: «учить, как жить». Иными словами, бесхитростные, суровые законы леса нужно заменить другими. Какими? Такими, которые научат Тетерина применяться к обстановке и с нею «согласовывать» свою совесть?.. Иного смысла итоговые рассуждения Дудырева иметь не могут.

Если Дудырев и нашел, по словам В. Тендрякова, успокоение моральное в мысли, что «истина и счастье

людей неотделимы друг от друга», то, во-первых, он-то и пренебрег истиной, а во-вторых, такую банальную аксиому ему следовало бы знать и ранее...

Итак, моральный крах потерпел Тетерин, утративший веру в совесть, а Дудырев пришел к неверным, ложным, аморальным выводам.

Если бы смысл повести «Суд» был только таков или главным образом таков, то никаких претензий к ее автору и не было бы.

К сожалению, претензии, и серьезные, идейные претензии, не могут быть не предъявлены талантливому писателю В. Тендрякову.

В. Озеров (на страницах «Правды») совершенно справедливо заметил:

«Заслуживает поддержки стремление В. Тендрякова раскрыть нравственные стимулы, движущие людьми в самые ответственные моменты их жизни. Там, где эти стимулы оказываются выражением всего мировосприятия, самого характера персонажей, там появляется внутренняя логика произведения, убеждающая читателя, как убеждает, скажем, рассказ «Ухабы». Не во всех вещах писателя есть эта логика. Так, повесть «Суд», опубликованная в третьей книжке «Нового мира» за текущий год, оставляет двойственное впечатление из-за искусственности, «заданности» намеченных здесь конфликтов и путей их разрешения».

Да, *двойственное впечатление* от повести создается ее искусственностью!

Поставив в повести искусственный эксперимент с совестью, с одной стороны, человека природы, с другой стороны, людей, так сказать, испорченных цивилизацией, В. Тендряков хотел или не хотел, но противопоставил природу обществу, биологическое начало социальному, да еще к тому же социалистическому социальному началу.

Что же получилось? Судьба Тетерина показала, что два эти начала якобы несогласуемы, что *естественная мораль*, подсказываемая человеку природой, неизбежно отступает перед моралью, создаваемой

в процессе развития цивилизации. И вопрос о правде и о совести решается этой «моралью цивилизации» так, что правда уступает кривде, а совесть либо с этим примиряется, либо принуждена молчать...

* * *

В романе К. Симонова «Живые и мертвые» главный герой Иван Синцов поставлен перед судом своей совести, совести коммуниста, воина Красной Армии, пролетарского революционера.

Судьба с самого начала войны взвалила на него груз тягчайших испытаний. Едва он вышел из окружения, из которого пробивался семьдесят три дня, как попал в новое окружение и в плен. Из него он спасся без документов, но не по своей вине: их вынул из кармана Синцова, когда он был без сознания, его спутник Золотарев. Очнувшись, Синцов не нашел Золотарева и об участии своего партбилета и других документов ничего не узнал.

Измученный, ожесточенный злоключениями, чувствуя себя без вины виноватым, Синцов, выйдя из окружения, *совершил ошибку*: не явился в особый отдел для проверки, а на случайно встреченной машине уехал в Москву, здесь не обратился в КПП, а обошел его и очутился в столице без документов. Словом, он совершил тяжелый проступок, граничивший с дезертирством, как справедливо квалифицировал его работник райкома Елкин, куда в Москве пришел Синцов.

Преодолев огромные трудности, добился Синцов, чтобы его направили в формировавшийся райкомом коммунистический батальон.

Вся вторая половина романа «Живые и мертвые» посвящена тому, что Синцов исправляет свою ошибку, участвуя в героической обороне Москвы, в разгроме гитлеровцев в историческом подмосковном сражении.

Г. Макагоненко в «Литературной газете» (№ 35, 1961) высказал мнение, что в центре романа стоит открытая К. Симоновым тема доверия как антитеза